Что есть воля? Это подструктура личности, она формируется на более поздних стадиях развития. Это такой параметр, что определяет уровень выполнения целевого действия. Но вот игра свойственна ребёнку еще с бессознательного возраста, еще тогда, когда личность не сформировалась и целевая деятельность отсутствует. Получается, источник в природе игры глубже, чем проявления личности, это – проявление изначальной энергии намерения, следуя законам бытия.

Намерение является источником движения и причиной наблюдения. Театральный инстинкт первичен, он предшествует эстетическому импульсу, выражая себя в примитивности игры: не воля к театру движет изначалью, а намерение к игре.

Но со временем энергия инстинкта затухает, преобразуется в эстетический импульс. Из театра исчезает театральность, она подменяется формотворчеством, статичной составляющей, теряющей энергию жизни, а в след сходит на нет и актуальность. В итоге, наёмники тешат праздную публику преображениями, продающимися ими оптом и в розницу.

Форма явления становится важнее его содержания, и даже подчиняет его, трансформирует сущность явления в соответствии с его видимостью. Жизнеподобие – есть скука. Главная же цель – обман.

Эмбирель с замиранием смотрела, как поднимается занавес, открывая сцену. Девушке оказалось не суждено раствориться в собственном спектакле, ведь главная роль уже была занята другой актрисой.

Шестерёнки со скрипом крутились, натягивая канаты, постепенно поднимая плотную складчатую зелёную ткань.

Странные тёмные жгуты, словно юбкой, плотно оплетали чьи-то ноги, впивались в доски, явно уходя глубже под сцену. Неправдоподобно тонкую талию крепко сжимал корсет. Остатки того, что наверняка раньше являлось роскошным сценическим платьем, закрывали грудь, плечи и тонкие руки, с длинными тонкими пальцами, оканчивающимися не менее длинными когтями.

Три лица на серой полусевшей голове пребывали в спокойствии и безмятежности.

Эмбирель сняла с пояса саблю, которую ранее туда прикрепила. Разряженный пистолет остался висеть на другом бедре.

Незнакомая фигура, стоящая на сцене, поразила девушку больше всего: вокруг неизвестной актрисы прямо из плотно сбитых досок вверх сотнями тянулись странные серые нити, и на каждой – человеческое глазное яблоко, направленное зрачком в центр сцены. А еще – человеческие сердца.

Вдруг, глаза, ярко жёлтые, на центральном лице недвижимой фигуры раскрылись, посмотрели прямо на Эмбирель. Рот растянулся в длинной, уголки губ поднялись чуть ли не к глазам, безумной улыбке. Тонкие пальцы схватили чье-то вырванное сердце, и острые зубы впилась в плоть.

Девушка заставила себя сделать шаг назад, боясь оставить монстра на сцене без внимания, бросила взгляд на деревянные створки выхода. И в этот момент они захлопнулись, серые нити оплетали дверь, словно густая паутина, отрезая путь к отступлению.

Эмбирель вновь повернула голову, и как раз вовремя: прямо в лицо ей целил тёмно синий, почти чёрный, жгут, тянувшийся откуда-то из-под сцены, пробив доски.

Девушка, уворачиваясь, отстранилась в сторону, окончание жгута прошло рядом с виском, но из небольшого круглого отверстия тянулись тонкие серые нити. Они изогнулись, задели кожу, проникая внутрь. Эмбирель ощутила, как они, словно черви, двигаются под кожей, тянутся к глазу.

Она схватила извивающийся жгут свободной рукой, срезала его саблей, выдёргивая нити, несколько капель крови оросили воздух вслед за ними.

Девушка побежала к выходу, замахнулась саблей, чтобы разрубить наросшую паутину, но резко остановилась, подалась назад, когда из этого странного нароста, потянулись такие же тонкие нити. Можно было не сомневаться, они легко проникнут под кожу, вырвут глаза, вырвут и сердце...

Она оказалась в западне. Будут ли свободны другие выходы из зрительного зала?

Открылись глаза на левом лице монстра, оно повернулось к Эмбирель. Уродливый рот в гневе искажился, широко открылся, выпуская крик.

Он чуть ли не физически ударил по голове. Девушка выронила саблю, сжимая уши ладонями, жмуря глаза и сама крича от невыносимой боли, пронзившей, казалось, самую сердцевину мозга.

Чьё-то тело, сидевшее на стуле рядом, лопнуло, закидывая окружающее пространство ошмётками внутренностей, мяса и костей.

Эмбирель доводилось терпеть многое, и сейчас ей удалось сохранить сознание, дождавшись, когда крик прекратится.

Монстр на сцене вновь повернул центральное лицо, что расплылось в довольной улыбке. Тонкие пальцы сорвали чьё-то очередное сердце, ставшее пищей для чудовища.

Девушка упала на пол, пытаясь унять звон, хотя вокруг наступила полная тишина, разжала ладони, пальцами нащупала лежащую рядом саблю.

Новый жгут потянулся к бывшей аристократке, она видела, как на его окончании извиваются тонкие серые нити, готовые уже изъять новую пару глаз для коллекции.

Вот только Эмбирель не собиралась становиться еще одним безвольным зрителем для этой «актрисы», утонувшей в своем тщеславии и жажде внимания.

Дёрнув плечом, сбросив кусок прилипшего посеревшего мяса, девушка, подобно бегуну, начинающему бег из низкой стойки, бросилась в сторону, вскочила на спинку сиденья, ловко побежала по этой узкой полоске, меж двух рядов мертвецов.

В самом углу зрительного зала располагалась еще одна дверь, и ставшая заветной целью.

Эмбирель поразила собственная ловкости. Может это и не было сильно заметно внешне, но её тело и мышцы постепенно менялись. Она и раньше была стройна, но теперь голод растворил хоть малейшие намёки на жир, а вот мышцы окрепли, даже затвердели, хоть особо и не проявляясь через кожу, но создавали ощущение поджарости.

Монстру на сцене её резвость явно не понравилась. Улыбка на центральном лице исчезла, зато открылись глаза на лице правом, оно повернулось в сторону девушки, рот раскрылся. Но на этот раз не крик ударил по ушам, а... пение?

Скорее одна нота волнами накатывалась в сознание.

Ступня подвернулась, девушка потеряла равновесие и упала на пол. Повезло, что успела добежать до одного из пролётов между рядами, а то так бы и растянулась на коленях у мертвецов.

Станный звук въедался в мозг, гасил сознание. Эмбирель очень сильно захотела спать.

Актриса на сцене словно пела колыбельную, успокаивая своего зрителя, своего слушателя.

В глазах у девушки помутилось, но она наблюдала, как затягивается серыми нитями и тот проход, к которому она стремилась.

Тело всё сильнее тяжелело, но... Сила из мышц никуда не исчезла, этой силы еще оставалось достаточно!

Да, простой человек уже давно бы сдался, уснул, но она человеком уже не являлась...

Эмбирель с трудом сдержала свои губы, что так хотели растянуться в улыбке, с трудом сдержала смех, так и рвущийся из груди.

Что ж, пора понять и принять, что встретив монстра, спастись и выжить возможно, только убив его!

- Чему ты радуешься? - Эмбирель чуть склонилась над лежащей, грациозно придерживав рукой подол роскошного платья? - Ты же не думала, что главная роль - твоя?

Девушка приподнялась на локтях, бросила взгляд наверх, за плечо своей невообразимо красивой копии. Взгляд этот изучал конструкцию, что висела под потолком прямо над сценой. Софит держал на себе грузы и противовесы, небольшие подвижные площадки, сложную структуру из чёрных зеркал, что должны создавать освещение.

Монстр перестал «петь», вновь повернув центральное лицо с довольной улыбкой.

Жгут-щупальце подбиралось к девушке, двигаясь вдоль ног покойников. Серые нити на его окончании извивались, вытягивались вперёд, словно стремясь поскорее пронзить кожу, проникнуть в тело.

Эмбирель вытерла тыльной стороной ладони несколько капель крови, скатившихся от раненого виска по щеке, больше просто размазывая по лицу, поднялась на ноги.

Окончание жгута, подобно кобре, поднялось вверх, и подобно же змее, дёрнулось, метя в лицо, в глаза.

Сабля в руках девушки оказалась быстрее, перерубая этот отросток.

Эмбирель не стала дожидаться, что случится дальше, побежала, но не в сторону выхода, наоборот - к сцене.

Улыбка на лице монстра сменилась гневом, жутким оскалом острых зубов. Разом открылись глаза на всех трёх лицах.

Раздался треск и скрежет древесины. Пробивая доски, из-под сцены, вырвались десятки извивающихся жгутов. Один в своём судорожном движении начисто снёс безглазую голову покойника, что случайно попала ему на пути.

Жгуты устремились к Эмбирель. Она, почти не замедляясь, крутанулась вокруг своей оси, укорачивая сталью в своих руках самые резвые отростки. Какому-то из них удалось коснуться плеча, девушка в отвращении стиснула зубы, почувствовав, как нити проникают под кожу, впиваются в мышцы, извиваясь словно черви. Свободная рука дернула обрубок жгута, выдёргивая «вторженцев», не смотря на резко резанувшую боль.

Один из жгутов просвистел совсем рядом с лицом, тонким нитям не хватило пары миллиметров, чтобы дотянуться до глаза...

Но Эмбирель уже успела добраться до своей цели. Сабля перерубила толстый канат. Конструкция над сценой закрипела. Девушка ударила еще по одной толстой верёвке, сталь легко рассекла волокна. Канаты, натянутые чуть ли не в звенящем напряжении, разматываясь, засвистели. На сцену упал мешок с песком, а вслед за ним разлетелись осколками пара зеркал.

Монстр зашатался, наклоняясь из стороны в сторону, но двинуться не мог, прикованный к месту своей славы.

Эмбирель перерубила третий канат, самый толстый. Часть металлической конструкции вместе с разными обломками полетела вниз. Стальной угол сломал пополам тонкую талию монстра, придавив и раздавив его верхнюю часть.

С потолка некоторое время еще что-то сыпалось, но вскоре всё затихло, осталось лишь пыли улечься.

Девушка, переступая через безвольно опавшие жгуты, направилась к выходу, но не к главному. Она зашла за сцену, прошла подсобные помещения и гримёрки. С обратной стороны театра располагался другой вход, для работников и актёров, через него она и вышла на улицы города.

Сжимая ладонью кровоточащее ноющее плечо, Эмбирель пошла дальше. Куда? Она сама этого не знала.

- Ах, может, хватит уже? – Эмбирель запустила руки в роскошную копну покрытых блестящим лаком волос, разочарованно помотала головой. – Куда бы ты ни шла, тебе не стать главной героиней! Все зрители уже мертвы! И тебя ждёт та же участь.

Девушка подняла взгляд. Над крышами невысоких домов возвышались потерявшие листву деревья. Там начинался городской парк.

Однажды, во время редкой прогулки с семьей, ей удалось сбежать от родни, и встретиться с Рендоном... Они нашли укромное местечко между густых кустов, под сенью раскидистого дерева. Никто не видел, как парочка целовалась, а затем парень вырезал ножом на стволе их инициалы в порыве наивного романтизма. Об этой тайне никто не знал.

- Кому нужны наши глупые тайны? – покачал головой Рендон. – Ты лучше прислушайся. Слышишь?

Эмбирель услышала какой-то шорох. Он раздавался со всех сторон, доносился из подвалов окружающих зданий, становился всё громче.

А когда девушка увидела, что являлось его источником, бросилась вперёд, но было уже поздно.

Со всех сторон, покрывая землю сплошным ковром, ползли насекомые. Мерзкий ворох из разных всевозможных жуков и извивающихся многоножек, приближался к Эмбирель, достиг её ног.

Девушка не остановилась, с содроганием ощущая мерзкий хруст под своими ступнями.

Насекомых становилось всё больше, они зацепились за обувь, поползли вверх по ногам, да и копошащийся ковёр стал толще, вот он уже по щиколотку, а вот уже и по колено.

Жучки ползли всё выше, к поясу, сколько бы Эмбирель не пыталась их с себя сбросить, это было бесполезно. Вот уже по пояс и сам ковёр из насекомых вокруг.

Она не сдавалась, не смотря на то, как сложно уже двигать ногами, делать следующий шаг.

Насекомые ползли вверх, по груди, по шее. Девушка сжала губы, зажмурила глаза, ведь жуки уже полезли в них, стали заползать в ноздри, в уши.

Маленькие мерзкие твари с головой накрыли Эмбирель.

<http://tl.rulate.ru/book/50602/1536367>